

Поученіе и рѣчи, произнесенныя при гробѣ въ Божѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Никанора, Архіепископа Казанскаго и Свѣяжскаго.

П О У Ч Е Н І Е,

произнесенное во время заупокойной литургіи законоучителемъ Императорской I-й Гимназіи протоіеремь П. М. Рувимскимъ.

Ярко горѣла лампада; казалось, такъ много въ ней масла и долго еще она будетъ горѣть и свѣтить всѣмъ, находящимся въ храминѣ. Но вотъ потянуль, подулъ вѣтеръ; съ силой ворвался онъ въ храмину, обрушился на лампаду и разбилъ ее вдребезги... О, суровый, беспощадный вѣтеръ! Что ты сдѣлалъ? Не собрать, не склеить уже вновь обломковъ свѣтильника, не вливать въ него масла жизни, не будетъ онъ сіять и свѣтить....

Такъ же, братіе, внезапно подкрался къ свѣтильнику церкви Казанской лютый, беспощадный врагъ—смерть; какъ дикій звѣрь захватилъ его, измялъ, затушилъ,—и вотъ уже онъ больше не свѣтитъ намъ....

Давно-ли, стоя на этомъ святомъ мѣстѣ, я видѣлъ волнующееся море православныхъ сыновъ и дочерей Казанской церкви, сошедшихся сюда на радость и духовное веселіе? Давно-ли были слышны звенящіе переливы колоколовъ, говорившихъ о чести и славѣ прожитаго и радостныхъ надеждахъ на будущее? Да, это было недавно.... Это было только два года тому назадъ въ день празднственной радости за славное 40-лѣтнее служеніе Церкви Христовой нашего Архипастыря. И какъ эта радость была окрыляема сладкою надеждой видѣть его еще долгіе-долгіе годы живымъ и бодрымъ; вѣдь хотя день его и склонялся уже къ закату, но такъ еще онъ былъ полонъ силъ и кипучей энергіи. И воистину явилъ онъ себя на свѣщникѣ Казанской церкви, какъ и вездѣ, неутомимымъ и самоотверженнымъ работникомъ, не падившимъ своихъ силъ и здоровья на благо церкви, и другихъ вызывавшимъ на оживленную работу. Онъ и священнодѣйствовалъ, и слово Божіе возвѣщалъ, и перомъ неустанно работалъ, и разнообразныя питомники про-

свѣщенія навѣщаль, и радость духовныхъ чадъ своихъ раздѣлялъ, и въ скорби утѣшалъ. И вотъ мы видимъ его теперь неподвижнымъ: сомкнулись его уста навѣки, перо навсегда выпало изъ его успокоившихся рукъ, закрылись его зеницы, и спитъ онъ вѣчнымъ сномъ...

Помню, родной Архипастырь, какъ ты, провожая въ вѣчный покой дорогого тебѣ и всѣмъ намъ Архипастыря, съ этого мѣста горестно восклицалъ: „*отецъ мой, отецъ мой! колесница израилева и конница его*“! Въ ту пору моей молодости я слышалъ въ твоёмъ голосѣ крикъ наболѣвшей, тоскующей скорби, но не могъ вмѣстить всю силу ея въ свое сердце. Теперь, смотря на тебя бездыханнаго, я чувствую и переживаю эту тугу сердечную. „*Отецъ мой, колесница Израилева и конница его*“! Куда ты самъ сильный и бодрый, ровный и спокойный, полный энергіи, и другихъ будившій отъ дремоты, куда ты отъ насъ ушелъ? Но ты молчишь,—не отвѣчаешь на эту мольбу... Дай же намъ хотя слезъ, чтобы разсѣять нашу земную тоску...

Плачьте же всѣ, умѣющіе цѣнить неустанный трудъ, честность и вѣрность своему долгу и служенію...

Плачь родная Академія, ибо ты лишилась тобою взлѣлянаго славнаго сына и высшаго руководителя!

Скорби рассадница пастырей Казанской земли, вѣдь ты навѣки провожаешь того, кто лучшую пору своей жизни отдалъ тебѣ, гдѣ самое высшее святое у тебя—храмъ Божій—дорогая память о немъ!

Рыдайте пастыри Казанской страны, вѣдь вы въ большинствѣ своей его выученики, носители его духа....—Отецъ вашъ, колесница и конница скрывается отъ вашихъ глазъ!

Плачьте разнообразныя питомники просвѣщенія, ибо вы лишились и духовнаго руководителя и тѣлеснаго кормителя!

А вы, вы дѣтки, приведенныя изъ язычества къ свѣту Христову, нашедшіе себѣ духовный и тѣлесный пріютъ подъ кровомъ Свят. Гурія, плачьте, рыдайте; вѣдь зашло ваме красное солнце, согрѣвавшее и ласкавшее васъ!...

Плачь же Казанская земля, угасъ свѣтильникъ твой, духовный вождь, предприимчивый инициаторъ, мудрый организаторъ, опытный администраторъ, щедрый благотворитель....

Разнесется вѣсть о кончинѣ его по лицу родной земли, дойдетъ она отъ Волги до Бѣлаго моря, отъ горнаго Уральскаго хребта до береговъ Вислы, и тамъ почувствуютъ скорбь души и скажутъ: угасъ свѣтильникъ церкви, ибо и тамъ напомнимъ о немъ созданныя имъ сотни школъ и десятки церквей, ученые общества и комитеты, благотворительныя учрежденія и другія разнообразныя многочисленныя полезныя организаціи, и тамъ восплачутъ и возскорбятъ...

Но плачь, братіе, принесемъ, не яко неимущіе упованія. Да не возобладаетъ нами земная скорбь... Уймись же тоскующее сердце! Этотъ крестъ, лежащій на персяхъ Святителя, эти священные изображенія, все въ этомъ святомъ храмѣ говоритъ намъ о вѣчной жизни; и мы найдемъ силу умирить скорбящее сердце, и вмѣстѣ съ слезами принести усопшему привѣтъ небесной радости.

Слышите, братія, вѣщее слово богодухновеннаго апостола: *„Если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастныя всѣхъ людей. Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть чрезъ чловѣка, такъ чрезъ чловѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ во Адамъ всѣ умираютъ, такъ и во Христа всѣ оживутъ, каждый въ своемъ порядкѣ: Первенецъ Христосъ, потомъ Христовы, въ приходѣ Его. А затѣмъ конецъ, когда Онъ предастъ Царство Богу и Отцу... Ибо Ему надлежитъ царствовать, доколѣ низложитъ всѣхъ враговъ подъ ноги Свои. Послѣдній же врагъ истребится—смерть! (1 Коринѣ. XV, 19—26).* Слышишь-ли и ты, дорогой нашъ Архипастырь, это радостное благовѣстіе вѣры? Но какъ же тебѣ его не слышать, когда во всю свою жизнь ты самъ преподавалъ его миллионамъ вѣрующихъ, самъ его неустанно изъяснялъ и свои изъясненія щедрою рукою раздавалъ. Слышите-ли, братіе, и сладкое обѣтованіе Спасителя: *„истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную, и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь“ (Іоан. V, 24).* Вѣримъ—перешелъ и ты, Архипастырь, отъ смерти въ жизнь, и нынѣ, и во вѣки ты—живой для нашей вѣры, для нашего духа. Скажи же намъ еще разъ назиданіе, наставленіе. Слушайте же, что онъ говоритъ намъ изъ гроба: «я слушалъ слово Христово,—слушайте его и вы. Я

спасался въ церкви православной,—въ ней ищите спасенія и вы. Я ею воспитанъ, ей служилъ, ея ученіемъ дышалъ, ея таинствами укрѣплялся, къ ея архипастырству принадлежалъ:—не ищите и вы иного пути спасенія, иныхъ учителей, иного ученія. Идите же и вы тѣмъ же путемъ церковнаго, православнаго христіанства... Были на моемъ жизненномъ пути радости, и въ нихъ я не превозносился; были и жестокія бури и свирѣпыя волны, но я не боялся потопленія, ибо я стоялъ на крѣпкомъ камнѣ. Пусть свирѣпствовали бури, пусть вздымались волны: онѣ не могли сокрушить камня, не могли потопить корабля Иисусова; ибо Кормчій былъ, есть и будетъ Христомъ.... Тако тецѣте вы, и достигните... И въ радости не забудетесь, и въ горѣ и бѣдѣ не растеряетесь, будете стойки, крѣпки и мужественны... Я прощаюсь съ вами теперь среди зимы, когда жизнь въ природѣ замерла: обнажились, какъ скелетъ, родимые лѣса, не слышно радостнаго щебетанія веселыхъ птицъ, затянулись мертвымъ саваномъ могучія рѣки; но вотъ придетъ весна, засіяетъ солнце, подъ живительными лучами его воскреснетъ жизнь, и раздадутся гимны Творцу. Такъ придетъ пора и для всякаго умершаго человѣка, когда послѣ зимы—смерти снова наступитъ весна жизни, когда во всемъ міяніи славы явится Солнце правды—Христосъ, и мертвенное сіе облачить въ безсмертное, и тлѣнное сіе облачить въ нетлѣніе. И встрѣтятся мы всѣ у Пастыреначальника Христа, гдѣ не будетъ уже ни болѣзни, ни воздыханія, ни вопля, ни стона, и гдѣ будетъ радость и веселіе вѣчной жизни»... Сложимъ же, братіе, этотъ послѣдній завѣтъ почившаго Архипастыря въ наши сердца и будемъ съ нимъ идти по нашему жизненному пути... И будемъ вѣровать, что, по молитвамъ Церкви Христовой и покровителя усопшаго—св. апостола Никанора, Пастыреначальникъ Христосъ пріиметъ на лоно Свое и упокоитъ со святыми вѣрнаго слугу Своего усопшаго Архіепископа Никанора. Аминь.

Р Ъ Ч И Ъ,

сказанная личнымъ секретаремъ Его Высокопреосвященства, Н. И. Ипатовымъ, предъ выносомъ тѣла Архипастыря изъ престовой церкви въ кафедральный соборъ. ¹⁾

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Послѣднія минуты ты пребываешь въ храмѣ семь и этомъ домѣ. Еще немного—и ты навсегда оставишь насъ. И мы, насельники сего дома, твои ближайшіе слуги, твои домочадцы, въ послѣдній разъ предстоимъ здѣсь предъ тобою, чтобы въ твоемъ еще присутствіи совершить моленіе о тебѣ и сказать тебѣ послѣднее прощальное слово.

Земно кланяемся тебѣ и просимъ—прости, Милостивѣйшій Отець нашъ ч Архипастырь, всѣ наши вольныя и невольныя прегрѣшенія предъ тобою и покрый ихъ своею любовью и молитвою о насъ въ горнемъ мірѣ у престола Господа Славы.

Прими отъ насъ нашу глубокую благодарность за все то доброе, что ты дѣлалъ намъ, за твою любовь, вниманіе, всегдашнюю изысканную деликатность и предупредительность въ обращеніи, какое ты оказывалъ намъ. Въ своихъ дѣловыхъ отношеніяхъ ты былъ строгъ и требователенъ, но строгость твоя не была суровою, а вѣсегда соединялась съ милостью и снисходительностію, такъ что *правда* и *милость* встрѣчались здѣсь въ гармоничномъ сочетаніи. А въ частныхъ, не дѣловыхъ обращеніяхъ всегда сказывалась твоя чисто-отеческая любовь, вниманіе и заботливость.

Но мы далеко не выразили бы всего, если бы не принесли тебѣ еще нашей искренней признательности и благодарности за тотъ высокій твой личный жизненный примѣръ, какой ты показывалъ намъ на себѣ самомъ, въ своемъ лицѣ, въ своей жизни и дѣятельности. Твоя жизнь была сплошнымъ, упорнымъ и настойчивымъ трудомъ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера ты пребывалъ въ непрерывномъ трудѣ: совершеніе Богослуженія, многочисленныя и разнообразныя дѣла епархіальныя, постоянный пріемъ многочисленныхъ посѣтителей по самымъ разнохарактернымъ и часто весьма сложнымъ дѣламъ, писаніе столь же много-

¹⁾ Надгробныя рѣчи печатаются въ порядкѣ ихъ произношенія.

численныхъ сочиненій, статей, проповѣдей—только одинъ переченьъ всего этого ясно представляетъ предъ нашимъ взоромъ, сколько же нужно было положить на все это труда, сколько требовалось для этого времени и сколько должно было оставаться свободнаго времени на необходимый для каждаго человѣка отдыхъ. И такой великій трудъ ты несъ бодро, несмотря на свои преклонные уже годы и недуги. А какъ при этомъ ты былъ строгъ и требователенъ къ самому себѣ; ты никогда, напр., не откладывалъ на завтра того, что можно и нужно было сдѣлать сегодня. Ты былъ прежде всего строгъ и требователенъ къ самому себѣ, а потомъ уже и къ другимъ, и строгость къ другимъ умѣлъ сочетать съ милостію и снисходительностію. *Вотъ тотъ великій жизненный примѣръ, какой ты далъ намъ и который никогда не изгладится изъ нашихъ сердецъ.* И дѣйствительно, намъ, близко стоявшимъ къ тебѣ и видѣвшимъ все это, прямо приходилось удивляться твоему трудолюбію и работоспособности, а при твоихъ преклонныхъ годахъ и недугахъ можно было только одно сказать: воистину, плоть немощна, а духъ бодръ.

Но *тлѣнному сему подобаетъ облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе.* По изволенію Божію, часъ твоего перехода изъ здѣшняго міра въ міръ горній свершился..... Да будетъ же блаженъ путь, въ онъже идеши днесь,— а тамъ въ обителяхъ Отца Небеснаго, у самаго Престола Господа Славы, помяни и насъ въ твоихъ Святительскихъ молитвахъ!

Р Ѣ Ч Ъ,

**произнесенная свящ. С. В. о. Димитріевымъ предъ панихидой
отъ учащихся городскихъ училищъ и начальныхъ школъ.**

Дорогіе дѣти—учащіяся! Не обычное событіе привело насъ подъ своды этого величественнаго храма Божія. Мы собрались сюда вознести наши молитвы о почившемъ нашемъ Архипастырѣ,— сюда, гдѣ онъ непрестанно молился за свою паству предъ престоломъ Всевышняго. Мы собрались сюда отдать послѣдній нашъ сыновній долгъ почившему, который, какъ архипастыръ Казанской церкви, былъ главой нашей христіанской общины, и вы юные члены этой общины, уже въ силу одного этого нравственно обя-

заны вознести свои усердныя молитвы о Почившемъ. Но есть и болѣе важная причина, заставляющая насъ горько сожалѣть о кончинѣ Архипастыря и усердно молиться объ упокоеніи его души, это—особенная его любовь и заботливость о дѣтяхъ-учащихся.

Прежде всего эта забота была о вашемъ религіозно-нравственномъ воспитаніи, и она проявлялась въ привлеченіи васъ къ участию при совершеніи богослуженія въ этомъ соборномъ храмѣ, гдѣ почиваютъ мощи Св. Гурія, просвѣтителя Казанскаго края и покровителя учащихся дѣтей. Мы здѣсь молитвенно проникались величественнымъ зрѣлищемъ Архіерейскаго служенія, что останется навсегда въ памяти у всѣхъ бывшихъ здѣсь;—съ другой стороны, для насъ великимъ христіанскимъ утѣшеніемъ было преклоненіе и лобызаніе святыхъ мощей святителя Гурія.

Затѣмъ, эта любовь почившаго Архипастыря къ дѣтямъ особенно ярко выразилась въ воспитаніи дѣтей-инородцевъ, которыхъ онъ и приютилъ у себя въ своихъ покояхъ, а для того, чтобы дать имъ образованіе, помѣщалъ ихъ въ различныя учебныя заведенія города Казани, въ томъ числѣ и въ наше городское училище; вамъ они извѣстны—ваши бывшіе товарищи инородцы. Вы, вѣроятно, слышали отъ нихъ, какъ почившій Архипастырь просто и любовно бесѣдовалъ съ ними по вечерамъ, какъ отецъ среди семьи, поучая ихъ истинамъ вѣры и нравственности. Да, тяжела должна быть для дѣтей потеря почившаго Архипастыря.

Но въ этомъ горѣ будемъ утѣшаться увѣренностью, что почившій перешелъ въ другую, лучшую жизнь. „*Да не смущается сердце ваше, ибо иду ко Отцу*“, говорилъ нашъ Спаситель Своимъ ученикамъ, скорбѣвшимъ и сокрушавшимся о скоромъ отшествіи изъ міра Учителя и Господа своего. Вѣруемъ, что это слово относится и ко всѣмъ послѣдователямъ Христа, скончавшимся въ вѣрѣ и упованіи живота вѣчнаго. Черезъ смерть и гробъ восшедши къ Отцу Своему, Спаситель и для каждаго умирающаго съ вѣрою въ Него открылъ лоно Отца Небеснаго. Въ смерти онъ показалъ намъ убѣжище отъ суетной земной жизни и переходъ къ нашему Отцу Небесному и къ жизни вѣчной.

Итакъ, отошелъ отъ насъ добрый, любвеобильный, благостный нашъ Архипастырь!.. Любвеобильное сердце, бившееся для счастья и утѣшенія многихъ, не живетъ болѣе!!.. Щедродательная рука почившаго отнята отъ насъ—земныхъ странниковъ!

Радостныя и добрыя очи Архипастыря не будутъ уже взи-
рать на насъ, какъ это было въ часы посѣщенія имъ нашей шко-
лы,—они отягчены сномъ непробуднымъ. Но свѣтлый образъ твой,
Владыка, навсегда останется въ памяти нашей; и вѣчнымъ на-
мятникомъ нашимъ о тебѣ будетъ наша, постоянная молитва.

Вознесемъ же, дорогія дѣти, наши искреннія молитвы предъ
Господомъ и въ настоящія минуты, стоя у гроба почившаго; а
вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ просить и его святительскихъ молитвъ
предъ Престоломъ Всевышняго, о нашихъ успѣхахъ въ ученіи, о
добромъ поведеніи и спасеніи нашихъ душъ.

.....

Р ъ Ч ъ

Преосвященнаго Андрея, Епископа Мамадышскаго, произнесен- ная предъ отпѣваніемъ.

*Приидите вси любящии мя, и цѣ-
луйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ.*

Такими словами пѣсни церковной почившій новопреставлен-
ный Архипастырь Казанскій созываетъ нынѣ къ своему гробу
разноплеменную свою паству. Великія, трогательныя слова, свя-
тыя чувства! И если около гроба всякаго истиннаго христіанина
должна и можетъ быть только истинная любовь; если всякій гробъ
христіанскій говоритъ не столько о смерти, сколько о вѣчной
жизни въ любви Божественной, то тѣмъ болѣе гробъ правосла-
внаго Архипастыря. Здѣсь—около гроба—нѣтъ мѣста ни раздѣле-
нію, ни разногласію, ни пустымъ словамъ, ни лишнему шуму,—
здѣсь должна пребыть только одна любовь христіанская!

„Приидите любящии“, и никто болѣе; приидите *отцы и
братіе*, и съ любовью вознесите молитвы къ общему Небесному
Отцу о почивающемъ во гробѣ.

Мы и собрались сюда, братіе, ради любви къ почившему и
стоимъ сейчасъ, чтобы воздать ему послѣднее на землѣ привѣт-
ствіе.

Но не о себѣ лично и не о насъ, здѣсь присутствующихъ,
я началъ свое краткое и немощное слово. Я хочу сказать о тѣхъ,
кто почелъ бы за величайшее счастье сказать нынѣ слово при-

вѣта почившему святителю Никанору, но кто не могъ прибыть сюда и кто даже не умѣетъ говорить... Но ни пространство, ни недостатокъ знанія не могутъ изгладить изъ любящаго сердца это святое чувство христіанской любви. Да, тамъ далеко, въ Царевкокшайскихъ черемисскихъ лѣсахъ, или среди остатковъ чувашскаго цивильскаго язычества говорить не умѣютъ, но тамъ умѣютъ любить и въ простотѣ сердца могутъ быть исполнены самою безграничною благодарностію. Тамъ Архіерею не окажутъ блестящаго приѣма, тамъ нельзя услышать красивыхъ фразъ, но тамъ съ благоговѣніемъ будутъ цѣловать края Архіерейской ризы и съ радостными слезами повергаться на землю тысячными толпами въ знакъ благодарности за одно ласковое слово. Вотъ отъ лица этихъ то крещеныхъ инородцевъ я и приношу ко гробу новопреставленнаго святителя Казанскаго — выраженія чувства благодарности и сыновней любви. Это не предположенія мои, — это то, что сами мы слышали, что видѣли очами своими... И мы видѣли десятитысячную толпу крещеныхъ татаръ и чувашъ, въ благоговѣйной радости молящихся при освященіи храма въ честь апостола Никанора, который создала Архипастырская любовь почившаго святителя. Мы слышали выраженіе искренней благодарности почившему отъ этой толпы, за память его, Архипастырское попеченіе его. И прихожане этого новаго храма никогда не имѣли бы утѣшенія сознательно молиться Господу, если бы о нихъ не позаботился Архипастыръ.

Мы видѣли язычниковъ отцевъ, которые отдавали почившему святителю дѣтей своихъ въ воспитаніе и въ ученіе. Эти дѣти нынѣ уже новокрещенные христіане.. Это тѣ дѣти, которыя жили со своимъ просвѣтителемъ Архипастыремъ подъ одною кровлею и первыми горько оплакали его кончину, не зная, кто теперь возьметъ ихъ въ свою любовь, кто о нихъ позаботится.

Мы знаемъ школы, которыя существовали только иждивеніемъ святителя Никанора и только потому, что его Архипастырская любовь находила себѣ наилучшее приложеніе и утѣшеніе въ этомъ наученіи «малыхъ сихъ», жаждущихъ свѣта истины.

Но всѣ эти отдѣльныя благодѣянія новопреставленнаго Владыки завершены тѣмъ большимъ подвигомъ, который онъ вынесъ на закатѣ дней своихъ. Я имѣю въ виду Казанскій миссіонерскій Сѣздъ нынѣшняго года, которымъ руководилъ почившій и

въ постановленіяхъ котораго систематизированы его собственные взгляды. И нужно отмѣтить, что эти постановленія всѣ глубоко и исключительно церковны. Нѣтъ въ нихъ ни одной уступки духу времени и случайнымъ мнѣніямъ случайныхъ людей, стоящихъ у власти. Всѣ труды Съѣзда, повторяю, глубоко церковны, и это великая заслуга почившаго предъ дѣломъ христіанскаго просвѣщенія Приволжскаго края.

Почившій Архіепископъ прекрасно понималъ, что воссоединить этихъ разноязычныхъ инородцевъ съ русскимъ народомъ можетъ и должна не «сильная государственность», а завѣщанная Спасителемъ нашимъ братская любовь.

Братство во Христѣ, семья церковная,—вотъ основа нашей русской жизни, а не грубая сила. И въ дѣлѣ школьнаго просвѣщенія инородцевъ владыка Никаноръ поэтому держался исключительно церковно-отеческихъ взглядовъ; онъ стремился только просвѣтить свѣтомъ Христовой истины не знающихъ ея, твердо вѣря, что истинный христіанинъ всегда будетъ и полезнымъ гражданиномъ, на какомъ бы языкѣ онъ ни говорилъ. И, конечно, не ошибался въ этомъ нашъ Архипастырь; и, конечно, Русь святая будетъ сильна не «вооруженнымъ», а воцерковленнымъ народомъ—не оружіемъ силы, а оружіемъ Христовой правды. Исторія Россіи слишкомъ много являетъ примѣровъ, какъ иногда «изнемогаль лукъ сильныхъ», и какъ «немогущіе препоясывались силою», чтобы забывать эту истину о народномъ воспитаніи, и поэтому всѣ истинно-церковные люди должны сдѣлать глубокой поклонъ предъ почившимъ Архіепископомъ Никаноромъ, что онъ никогда въ церковныхъ дѣлахъ не дѣлалъ никому никакихъ уступокъ времени и оставался всегда на высотѣ пониманія церковныхъ идеаловъ. И эту сторону дѣятельности владыки Никанора долго будутъ помнить Казанскіе инородцы и долго оплакивать утрату своего почитательнаго Архипастыря и отца, какъ нынѣ проливаютъ горькія слезы осиротѣвшіе пріютяне Архіерейскаго дома. А Тотъ, предъ Кѣмъ не можетъ утаиться *ни капля слезная, ниже капли чашъ чужая*,—всемиловитый Господь да упокоитъ душу новопреставленнаго въ своихъ селеніяхъ со всѣми святыми. Аминь.

Р Ъ Ч Ъ

**экстраординарнаго профессора Казанской Духовной Академіи
протоіерея А. Дружинина, произнесенная имъ послѣ 3-ей пѣсни
канона при отпѣваніи.**

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,

дорогой, незабвенный нашъ Архипастырь!

Среди множества лицъ и учреждений, находившихся подъ твоимъ мудрымъ архипастырскимъ управленіемъ и руководствомъ, есть одно, съ которымъ связывали тебя не столько узы начальственныхъ и служебныхъ отношеній, сколько узы самой нѣжной, признательной и искренней сыновней любви, начавшейся 40 лѣтъ тому назадъ и продолжавшейся до гробовой доски. Учрежденіе это—духовно вскормившая и воспитавшая тебя *alma mater*, Казанская Духовная Академія. Молодымъ пастыремъ, только что перенесшимъ тяжелый жизненный ударъ, вступилъ ты подъ кровь своей духовной матери и весь съ головой ушелъ въ научныя занятія, которыя, можетъ быть, нѣсколько и смягчили тяжесть только-что понесенной тобою утраты. Здѣсь-то твои богатые духовныя дарованія и силы твоего ума и сердца получили могучій импульсъ для того богатаго и разносторонняго развитія, свидѣтелями котораго на всемъ протяженіи твоей дальнѣйшей жизни и на необъятномъ пространствѣ твоей архипастырской дѣятельности были твои академическіе наставники, товарищи и сослуживцы, съ гордостью и любовью взиравшіе на твой жизненный путь. Здѣсь-то и завязались эти прочныя и неразрывныя узы, связывавшія тебя съ Академіей и ея труженниками, узы, которыхъ не могли порвать ни время, ни пространство, и о которыхъ ты такъ трогательно напоминалъ во дни торжественныхъ академическихъ собраній въ годовой академической праздникъ. Среди привѣтствій и телеграммъ, читавшихся съ кафедръ во дни этихъ собраній, всегда читалось и твое, возлюбленный Архипастырь нашъ, привѣтствіе, оканчивавшееся словами: «Вѣднѣйшему студенту—обычная лепта отъ бывшаго питомца». Читая эти телеграммы, вся академическая семья живо чувствовала, что гдѣ-то, иногда на громадномъ отъ нея разстояніи, есть человѣкъ, сердце котораго

бьется горячей любовью къ Академіи и проникнуто пламеннымъ желаніемъ, хотя чѣмъ-нибудь выразить ей свою признательность.

Но что особенно замѣчательно, такъ это то, что ты, не смотря на кипучую, неустанную и разнообразную дѣятельность на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ обширнаго отечества нашего, въ епархіяхъ, послѣдовательно ввѣрившихся твоему архипастырскому водительство, находилъ время и для научныхъ кабинетныхъ занятій въ области любимой тобою богословской науки, Священнаго Писанія, занятій, доставившихъ тебѣ высшую богословскую степень. Но тебѣ хотѣлось, чтобы сокровища твоего ума и знанія не оставались лишь заключенными въ твоихъ книгахъ, и ты всегда заботился о томъ, чтобы онѣ, по своей общедоступности, служили возможно болѣе широкому кругу читателей-христіанъ. Исторія православной богословской науки за послѣднія десятилѣтія истекшаго столѣтія и первое десятилѣтіе текущаго, безъ сомнѣнія, отмѣтитъ твое имя среди наиболѣе выдающихся дѣятелей православной богословской науки.

Но вотъ наступили дни, когда промыслу угодно было поставить тебя во главѣ Казанской церкви и сдѣлать начальникомъ Академіи. И какую высокую миссію ставилъ ты для высшей духовной школы, какія высокія задачи намѣчалъ ты для дѣятелей высшей богословской науки! Тебѣ хотѣлось, чтобы Академія была совершенствомъ, чтобы она высоко держала знамя христіанской вѣры и жизни, чтобы, подобно тебѣ самому, она износила свѣтъ своего знанія на свѣщникъ, откуда онъ могъ бы свѣтить не въ стѣнахъ только высшей духовной школы, но для всѣхъ, находящихся въ великомъ храмѣ Церкви Божіей, и даже для людей, находящихся внѣ ея ограды. Тебѣ хотѣлось, чтобы дѣятели богословской науки дѣлились сокровищами своего знанія со всѣми, кто искалъ этого знанія, и силою своего огненнаго краснорѣчія привлекали въ ограду Церкви даже людей, блуждающихъ по распутіямъ міра сего. Прости, если труженики Академіи не всегда имѣли возможность удовлетворять твоимъ запросамъ и ожиданіямъ въ такой мѣрѣ, въ какой тебѣ хотѣлось; прости, если «крохи», какъ говорилъ ты, «съ богатой трапезы знанія и науки» въ высшихъ школахъ были не такъ обильны, чтобы удовлетворить всѣхъ, алчущихъ и жаждущихъ богословскаго знанія! Прости и благослови насъ на дальнѣйшій трудъ! Вознеси предъ престоломъ Всевыш-

няго свои архипастырскія молитвы, дабы Онъ далъ намъ силы внушать всѣмъ ту пламенную любовь ко Христу и его Церкви; которою всегда горѣло твое святительское сердце и которья одна могла бы объединить всѣхъ и привести къ осуществленію великаго завѣта Христа, заповѣдавшего ученикамъ Своимъ неустанный трудъ для достиженія великой цѣли—соединить всѣхъ въ Его благодатномъ Царствѣ—*„да будетъ едино стадо и единъ Пастырь“* (Іоан. X, 16).

Р ъ Ч ъ,

сказанная во время отпѣванія по 6-й пѣсни канона о Ректорѣ Духовной Семинаріи протоіереемъ В. И. Бѣликовымъ.

Ваше Высокопреосвященство,

Дорогой и незабвенный Отецъ и Архипастырь!

Позволь и мнѣ, отъ лица вѣреннаго мнѣ учебнаго заведенія, особенно дорогого и близкаго твоему сердцу, сказать тебѣ послѣднее «прости».

Казанская духовная семинарія съ чувствомъ глубокой, невыразимо-тяжелой скорби расстаётся съ тобою на вѣки. Она имѣетъ особенныя причины жалѣть о дорогой и неожиданной утратѣ, ибо знаетъ и будетъ помнить тебя не только какъ своего Архипастыря, въ теченіи 2¹/₂ лѣтъ управлявшаго судьбами церкви Казанской, но и какъ своего ближайшаго Начальника, цѣлыхъ 12 и притомъ лучшихъ лѣтъ своей жизни посвятившаго, въ должности Ректора, ея внутреннему процвѣтанію и внѣшнему благоустройству.

Твоя ректура оставила замѣтный слѣдъ въ семинаріи. По вѣрью, дорогой Владыка, что Казанская семинарія никогда не забудетъ твоей кипучей и разнообразной дѣятельности, и ея исторію отмѣтитъ къ предстоящему 200-лѣтнему юбилею семинаріи время твоего управленія, какъ одну изъ блестящихъ страницъ ея исторіи. Здѣсь, въ краткой надгробной рѣчи, не мѣсто и не время подробной оцѣнкѣ этой твоей дѣятельности; но тѣмъ не менѣе я не могу не замѣтить, что слѣды этой дѣятельности, каковы—постройка семинарскаго храма, зданіе образцовой при се-

минаріи школы и учрежденіе семинарскаго попечительства для бѣдныхъ воспитанниковъ, всегда будутъ напоминать о тебѣ и оказывать свое просвѣтительное и благотворительное вліяніе въ жизни семинаріи.

Прошло послѣ того около 20 лѣтъ, и ты снова вернулся въ Казань, въ санѣ Архипастыря церкви Казанской. Недолго Господь привелъ тебѣ быть на этомъ высококомъ и отвѣтственномъ посту. Но и въ это короткое время, несмотря на множество епархіальныхъ дѣлъ, ты съ рѣдкимъ вниманіемъ относился къ любимому своему дѣтищу, къ родной тебѣ Казанской духовной семинаріи. Рѣдкій мѣсяць ты не побывалъ у насъ, при чемъ все, начиная съ учебной и воспитательной части и кончая послѣдними мелочами семинарскаго жизни, живо интересовало тебя: ко всему ты зорко присматривался, за всѣмъ внимательно слѣдилъ: хорошее старался поддержать, дурное искоренить, забытое или нарушенное послѣ тебя возстановить. И если на первыхъ порахъ эти твои визиты въ семинарію вызывали, какъ нѣкогда пришествіе пророка Самуила въ Виелеемъ (1 Цар. XVI, 4), тревожный вопросъ: «мирень ли приходъ твой»; то впослѣдствіи, когда ты убѣдился, что жизнь родной тебѣ семинаріи идетъ нормально, они стали дорогимъ для семинаріи праздникомъ. Не съ рѣзкими замѣчаніями, не съ выговорами и прещеніями ты являлся въ семинарію, а съ доброй улыбкой, со словомъ привѣта и мудраго наставленія, а иногда и съ дорогимъ подаркомъ. Ты училъ насъ и нашихъ воспитанниковъ труду, скромности и нетребовательности, которыя должны отличать будущихъ пастырей церкви. Къ нуждамъ семинаріи ты всегда относился внимательно и своимъ Архипастырскимъ авторитетомъ поддерживалъ наши ходатайства предъ Высшею Властію: никогда, вѣроятно, не возбуждалось такъ много этихъ ходатайствъ отъ семинаріи, какъ въ твое недолгое управленіе Казанской епархіей, такъ что, можно думать, мы успѣли уже надѣсть ими. Семинарская бѣдность также никогда не забудетъ тебя, милостивый Архипастырь. На нужды этой бѣдности ты въ короткое время своего святительства въ Казани успѣлъ пожертвовать изъ своихъ личныхъ средствъ болѣе 3500 руб. Но особенно тебя интересовали въ послѣднее время, служа предметомъ твоей непрестанной заботы, постройка новыхъ зданій для семинаріи на мѣстѣ, болѣе подходящемъ для учебнаго заведенія,

и предстоящій 200-лѣтній юбилей семинаріи. Но Богъ не судилъ тебѣ дожить до того и другого.

Прими же отъ насъ, незабвенный Владыка, въ настоящій тяжелый часъ разлуки съ тобою глубокую благодарность за все добро, которое ты въ разное время сдѣлалъ для насъ; прости, если мы чѣмъ-либо огорчили тебя, и помолись за насъ предъ престоломъ Всевышняго, да сохранитъ Онъ въ мирѣ и благополучіи родную тебѣ семинарію.

Р ъ Ч ъ,

сказанная во время отпѣванія воспитанникомъ VI кл. Духовной Семинаріи Н. Воскресенскимъ.

Дорогой и незабвенный Святитель Божій!

Прими послѣдній привѣтъ отъ одного изъ питомцевъ дорогой для тебя Семинаріи, которому Господь Богъ судилъ въ послѣднее время быть ближайшимъ участникомъ твоего благолѣпнаго служенія.

Твоя личность, дорогой и незабвенный Святитель Божій, произвела на насъ, питомцевъ Семинаріи, неотразимое впечатлѣніе съ самаго перваго твоего появленія въ стѣнахъ Семинаріи. Твое открытое лицо, всегда озаренное привѣтливой улыбкой, твои кроткія, но въ то же время серьезныя рѣчи, твои незлобивыя шутки привлекали къ тебѣ наши юныя сердца. Твои пріѣзды въ Семинарію были для насъ праздниками, обычное сѣрое настроеніе сразу повышалось, ты былъ поистинѣ какой то чудный лучъ свѣта, озарявшій нашу обыкновенную ученическую, будничную жизнь. Ты, дорогой и незабвенный Святитель Божій, являлся въ классы не грознымъ архипастыремъ, а кроткимъ и любящимъ отцомъ, и мы не боялись тебя. Да, поистинѣ, мало ты жилъ среди насъ, но много сдѣлалъ. Твои завѣты, твои мудрыя наставленія намъ не забудутся нами никогда. И какія это были свѣтлыя, чистыя наставленія. Ты звалъ насъ къ труду, говорилъ намъ, что это нашъ долгъ, долгъ передъ родиной, передъ народомъ, наконецъ, предъ нашими же родителями, теряющими послѣднія средства, чтобы дать намъ возможность воспользоваться плодами про-

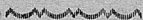
свѣщенія. И эти призывы находили доступъ къ нашему сердцу, находили, прежде всего, потому, что ты, почившій Святитель Божій, всю свою дѣятельностью свидѣтельствовалъ, какъ великое значеніе труда для человѣчества.

Предъ нами въ твоихъ святительскихъ разсказахъ, отчасти въ твоихъ воспоминаніяхъ, разсѣянныхъ то тутъ, то тамъ, въ твоихъ цѣнныхъ сочиненіяхъ проходила вся твоя не только многотрудная, но и многоплодная жизнь. Мы видѣли, какъ вездѣ, гдѣ ты только ни былъ въ теченіи своей богатой событіями жизни, воздвигались школы, устраивались курсы, и все это созидалось по преимуществу твоими трудами. Видя все это, мы и сами давали обѣщаніе трудиться всю жизнь, трудиться такъ, какъ трудился ты, пробудившій наши души, святитель Божій, во славу Божию и на пользу церкви православной.

Звалъ ты насъ не только къ труду, но и къ личному усовершенствованію, воспитанію въ себѣ добродѣтелей, слѣдованію за Христомъ,—и лучшимъ примѣромъ на этомъ пути являлся все ты, дорогой и незабвенный нашъ Архипастыръ и отецъ!

Но чѣмъ ты особенно привлекалъ насъ къ себѣ, такъ это любовью, которая проникала поистинѣ все твое существо. Ею были проникнуты каждое твое слово, каждое движеніе; къ ней были направлены всѣ твои помыслы. И ты всячески стремился возбудить въ нашихъ юныхъ сердцахъ эту святую любовь къ Богу и ближнимъ; ты говорилъ намъ, что если мы имѣемъ все, знанія, способности, но нѣтъ въ нашемъ сердцѣ любви—мы ничто, прахъ. Мотивъ любви сдѣлался въ послѣдніе мѣсяцы твоей Архипастырской жизни главною, центральною темою разговоровъ и наставленій. Мы никогда не забудемъ твое послѣднее посѣщеніе Семинаріи, въ которомъ высказалась во всей ея симпатичности истинно-христианская твоя душа. Благостно выслушавъ отвѣты учениковъ и замѣчанія учителя, ты приложилъ къ нимъ и свое собственное замѣчаніе и въ то-же время отеческое наставленіе, указавъ намъ на то, что большее вниманіе нужно обращать въ своихъ проповѣдяхъ, какъ будущимъ дѣятелямъ на нивѣ Божіей, на любовь, ибо любовь—это все, и Самъ Богъ—Любы есть. Какой былъ чудный заключительный аккордъ всѣхъ твоихъ предшествовавшихъ святительскихъ наставленій.

Миръ же праху твоему, незабвенный Святитель!

Сочувствія по поводу кончины Владыки - Архі- епископа, выраженные по телеграфу:

Изъ ОРЛА.

Глубоко скорблю о кончинѣ Архипастыря. Молюсь объ его упокоеніи. Извѣстіе объ его кончинѣ получилъ въ Ельцѣ, гдѣ, при участіи всего духовенства, 1 декабря совершилъ заупокойную литургію и панихиду.

Александръ, Епископъ Орловскій.

Изъ БУИНСКА.

Благочинническій съѣздъ 2-го округа Тетюшскаго уѣзда выражаетъ глубокую скорбь Вашему Преосвященству¹⁾ о безвременной кончинѣ Казанскаго Архипастыря Никанора—миссіонера и благотворителя.

Благочинный Троицкій.

ПАМЯТИ

Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Никанора.

Простилась Казань со своимъ Архипастыремъ—и тепло простилась. Недолго онъ послужилъ Казани въ этомъ высокомъ званіи, всего 2 съ половиной года, но немало успѣлъ сдѣлать добра за этотъ короткій срокъ. Много хорошихъ, искреннихъ рѣчей слышали мы при погребеніи, много заслугъ почившаго отмѣчено ораторами; непомянутымъ, однако, осталось еще одно, на нашъ взглядъ, очень крупное дѣло почившаго,—это его труды по открытію въ Казани женскихъ богословскихъ курсовъ, *первыхъ въ Россіи*. (Теперь, къ нашей радости, это великое дѣло нашло себѣ подражателей: въ Москвѣ открыты подобные курсы).

При всякомъ новомъ дѣлѣ приходится преодолѣвать немалыя трудности. Не обошлось и тутъ безъ труда и хлопотъ, тѣмъ болѣе, что идея сама по себѣ была нова.

¹⁾ Телеграмма прислана на имя Преосвященнаго Алексія.

Энергіи почившаго Архипастыря мы обязаны тѣмъ великимъ утѣшеніемъ, какое получаемъ теперь на лекціяхъ.

Онъ сумѣлъ привлечь къ дѣлу преподаванія на этихъ курсахъ недюжинные умы. Нашлись отзывчивыя души, которыя откликнулись на его призывъ и, при всѣхъ недосугахъ, взяли на себя немалый трудъ по чтенію лекцій даже совершенно безвозмездно. Нѣтъ словъ выразить нашу имъ благодарность!

А тебя, нашъ добрый почившій Владыка, не забудемъ мы до конца дней своихъ, такъ какъ, благодаря твоимъ трудамъ, мы теперь имѣемъ возможность удовлетворить запросамъ духа.

Вѣчная тебѣ память!

Слушательницы женскихъ богословскихъ курсовъ.

